

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 323.28

О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

С. Н. БОРИСОВ¹⁾**А. В. РИМСКИЙ²⁾***Белгородский
государственный
университет**¹⁾e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru**²⁾e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема противодействия терроризму. Терроризм рассматривается как культурно-антропологический и знаково-символический феномен. Отмечается необходимость комплексной методологии исследования и выявляются основания социокультурных практик противодействия терроризму на региональном уровне.

Ключевые слова: терроризм, социокультурные практики, противодействие, субкультура, иждивенность.

Проблема противодействия проявлениям терроризма сопряжена с целым рядом других проблем, подчас сутобо теоретического свойства. Одной из них является проблема понятийного определения терроризма и философской методологии его исследования. Решение этих взаимосвязанных задач все больше напоминает движение по кругу, в котором научная парадигматика предпринимает попытку отсылки к практике, а та, в свою очередь, обратно к теории.

Как минимум эта ситуация на уровне теории есть признание в неспособности личными понятийными средствами ответить на поставленный вопрос о сути терроризма и в последствии противодействия ему. Сам же предмет изучения остается неизменно фрагментарным в восприятии исследователей и потому решение проблемы определения терроризма всегда недостаточно и частично. Оно начинается уже с самого определения, отсылающего к категориям насилия, политики или власти. Эта линия рассмотрения, которую мы позволим себе обозначить «классической», поскольку терроризм здесь мыслится как некие насильственные действия, направленные против власти или же устранение политических оппонентов. Имманентно присутствующий политический мотив делает это определение достоянием уже минувшей эпохи модерна, явившей примеры революционного терроризма и государственного.

Современность связана с террористическими проявлениями другого порядка, с терроризмом не столько государственным, сколько негосударственным, глобальным или сетевым. Противостояние, фиксируемое ранее по линии борьбы за легитимность, реализуется иначе, оно становится более многогранным, затрагивающим культурные, религиозные и иные стороны жизнедеятельности.

Проблема определяемости терроризма в современности во многом связана не только с усложнением самого объекта исследования, который все еще остается *tabula rasa*, что есть лишь одна сторона; но также с девальвацией самих фундаментальных понятий и, прежде всего, таких как власть и насилие. Вторая сторона проблемы определяемости зиждется на том, что устоявшийся комплекс понятий, позволявших говорить о терроризме, претерпел изменения. Складывается новая линия в исследовании терроризма, «неклассическая», описывающая его в терминах симуляции и симулякра («Ж. Бодрийяр»), амбивалентности бытия и ничто (Ж.-Л. Нанси, А. Бадью), эстетики исчезновения (М. Сюрри), коммуникации (В.Б. Петухов) и прочих дефиниций, выводящих рассматриваемую проблему за привычные рамки очевидности.

На сегодняшний день дефиниционное поле терроризма вызывает желание отказаться от попыток целостного рассмотрения этого явления в силу его противоречивости и неопределенности. Во многом терроризм становится «пустым словом», позволяющим наделять его любыми и часто взаимоисключающими значениями. Как показал Д. Агамбен: «в жизни понятий есть один момент, когда они теряют свою непосредственную познаваемость и, подобно любому пустому слову, могут быть нагружены противоречивыми значениями. У религиозных феноменов этот момент наступил в конце XIX в. вместе с рождением современной антропологии, в центре которой не случайно стоят такие двусмысленные понятия, как *mana*, *tabu* и *sacer*... понятие *mana* функционирует как избыточное означающее, не имеющее другого смысла, кроме как сигнализировать об избыточности означающей функции по отношению к означаемому»¹. Что указывает на еще один немаловажный аспект, который можно определить как контекст рассматриваемой проблемы терроризма, связанный с изменением социокультурных реалий персонифицированных глобализацией, культурными изменениями, политическими, социальными, экономическими и прочими процессами, происходящими вне собственно философского дискурса, но оказывающие на него влияние.

Следует учитывать три аспекта проблемы определения и методологии исследования терроризма. Первое, изменение того, что мы называем терроризмом. Второе, динамику социогуманитарного и философского дискурсов (смену исследовательских парадигм); а также, третье, социокультурный контекст исследования. Возникает вопрос, что может являться точкой пересечения этих аспектов и позволит соединить изменения, происходящие в культуре и социуме с дискурсивными формациями и всегда недоопределенным явлением терроризма? В нашем исследовании таким центром будет, безусловно, человек, поскольку нас интересует социокультурные практики противодействия терроризму. Более того, фигура человека есть реальное пересечение указанных аспектов и по нашему глубокому убеждению только с позиций антропологии возможно если не объединить, то в некотором роде согласовать знание о явлении терроризма, а также выявить практики противодействия ему.

Таким образом, при анализе терроризма следует учитывать:

- его изменчивость, что требует учета исторического контекста (принцип историзации);
- сложный характер явления, сочетание идеологического, политического, религиозного и иных составляющих, что делает необходимым сочетание различных методологий, соответствующих основным этапам (видам) *эволюции терроризма*;
- нам представляется возможным выделить три основных этапа эволюции терроризма:
  1. Традиционалистский (в своей основе религиозный);
  2. Модерна (национально-революционный);
  3. Постмодерна (культурный-транскультурный).

Рассмотрение генезиса насилия и терроризма сквозь призму различных методологий требует некоего общего основания для сборки самого объекта исследования. Таким основанием в нашей работе выступает человек, его деятельность в конкретных социокультурных и исторических условиях. Данный факт позволяет соотнести феномен терро-

¹ Agamben G. *Homo sacer* Frankfurt a.M., 2002. p.90/ Григорьева Н.Я. Эволюция антропологических идей в европейской культуре второй половины 1920-1940-х гг. СПб., 2008. – С. 113.

ризма с проблемой культурно-онтологических оснований насилия. Трактовка культуры в русле деятельностного подхода в сочетании с привлечением концепций Б.Ф. Поршнева, М. Мосса, Р. Кайуа, Р. Жирара, позволяет выделить культурно-антропологические основания насилия и терроризма.

Так, согласно модели антропокультурогенеза, предложенной Б.Ф. Поршневым, возникновение культуры и человека тесно связано с насилием: «человечество как целое первоначально выступает в виде мелкоячеистой сетки, нити которой (границы и контакты) несут преимущественно отрицательный заряд; и связь, и взаимопроникновение отдельных племен с соседями выступают главным образом в виде негативного взаимодействия, отталкивания, обособления друг от друга. Наряду с этим наличествуют и формы диффузии и смешения, однако главной остается связь противопоставления... Вместе с тем, та или иная связь от одной общности к другой и дальше по цепочке существовала практически всегда. Начиная с верхнего палеолита, она укреплялась и умножалась, по мере расширения Эйкумены выделялись центры и периферия, возникали многообразные культурные контакты»². Таким образом, можно утверждать, что на ранних ступенях бытия культуры обмен деятельностью в значительной степени носил насильственный характер (негативное взаимодействие племен в рамках дуально-этнического отношения «мы-они»³). Деятельность, лежащая в основе как культуры, так и насилия, связывает эти два феномена человеческого бытия.

Формализация и символизация насилия в культуре создавала механизмы его локализации и контроля, подробно исследованные М. Моссом, Р. Кайуа и Р. Жираром применительно к обществу традиционному.

Так, по мнению Р. Жирара, общественный характер жертвоприношения (одной из ритуализированных форм насилия) позволяет говорить о значимости этого института для общества. Насилие, которое неизбежно возникает в сообществе людей, *разрушает* его. Жертвоприношение же позволяет *сублимировать эту разрушительную энергию*, направить на строго определенную жертву, которая заменит и спасет остальных. И лишь впоследствии жертвенное насилие приобретает сакральный статус, что обусловлено стремлением вытеснить не только само насилие, но даже понимание механизма его подавления⁴. Жертвоприношение исключает насилие из сообщества, направляя его вовне, то есть на жертвоприношение посторонних, *чужах*. Вместо взаимных нападков члены одного общества объединяются в едином насильственном акте, где каждый нейтрализует свое собственное насилие.

Очевидно, следует согласиться с Р. Жираром в том, что постепенно этот социальный характер жертвоприношения «затушевывается», и под него подводится религиозное основание и объяснение в том смысле, что механизм вытеснения насилия воплощается в мифе (*речь-миф*, объединившая индивидуальные и коллективные формы сущности, сакральные запреты). И чем более прозрачной становится связь между насилием и жертвоприношением как механизмом его нейтрализации, тем более эффективно функционирует этот институт.

Выстраивание логики локализации насилия по линии «свой – чужой» в обществе традиционном осуществлялось в рамках родоплеменной и религиозной идентификации. Эпоха модерна вносит существенные изменения в указанную схему и реформатирует линии локализации насилия по принципу политическому, пришедшему на смену религиозной идентичности; а также национальной, сменившей родоплеменную идентичность. Буржуазные революции породившие форму революционного террора, сменивший их террор государственный (тоталитаризм) в настоящее время (эпоху постмодерна) эволюционируют в террор метасударственный – транскультурный, порожденный гиперциркуляцией знаков, панамериканской глобализацией. Теперь линии локализации насилия преимущественно проходят вне множеств организованных политически или национально, а более культурно. Терроризм как форма насилия, деятельности, субкультура,

² Цит. по: В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979. – С. 175.

³ См. подробнее: В.П. Римский. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.

⁴ Жирар Р. Насилие и священное. – М., 2000.

связывает множество людей различных культур, государств и даже вероисповеданий. Это сетевое формообразование делает все указанные различия проницаемыми и основывается на транскультурных основаниях.

Вместе с тем, вневременной характер культурных детерминант насилия и терроризма должен быть дополнен анализом конкретных исторических и социальных условий активизации указанных практик. Поскольку его проявления конкретны, а задача его пресечения и профилактики реализуема в выделении различных типов насилия и видов терроризма по критерию их знаково-символического воплощения. При этом подобный анализ должен сопровождаться решением основных противоречий: террористическая деятельность – культура; антикультура – культура; транскультура – культура в ее аспектах универсальности и глобализации.

Воплощение и существование феномена терроризма в *знаково-символической реальности* дает возможность рассмотреть его с использованием методологии культурной семиотики не только как понятия и концепта, социокультурного и антропологического феномена, но и в качестве знаково-символического пространства бытия человека, понимаемого как организованное множество значений и смыслов, выраженных в художественном творчестве, пространстве театра и кино, литературы, массовой культуры.

При анализе современного терроризма следует учитывать, что знаково-символическое пространство, в котором возникает террористический объект, есть неотъемлемая часть культуры, а терроризм следует отличать от дискурса о терроризме. Целесообразно, в данной связи, уточнить понятие дискурс, которое также неоднозначно и имеет массу значений. В нашем понимании дискурс является культурно, исторически, властно и контекстуально организованным «текстом». То есть совокупностью высказываний, возникающих и обусловленных (ограниченных), определенными культурно-историческими условиями.

Примером может являться возникновение «глобального терроризма» как дискурсивного объекта, чему предшествовали определенные исторические события. «Глобальный терроризм», как дискурсивный конструкт, имеет четкий признак, которым является наделение событий номинируемых как терроризм коннотациями глобальной угрозы. Такой «поворот» глобального медиа-дискурса произошел после трагических событий, произошедших на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. Акция палестинской организации «Черный сентябрь» не была первым проявлением международного терроризма, но последующую за ней реакцию мирового аппарата СМИ можно считать первым шагом к формированию бренда «терроризма глобального». В работе Брюса Хоффмана «Терроризм изнутри» утверждается, что «около 900 миллионов человек в 100 странах наблюдали за развитием кризиса на телевизионном экране»⁵. Несомненно, что это первый пример встраивания терроризма в глобальный контекст средствами массмедиа. Реальность глобализированного мира, глобальной культуры нуждалась в освоении терроризма как явления, что произошло средствами массмедиа в форме новостей, а в дальнейшем документального и художественного кино.

Не менее интересен процесс дискурсивизации терроризма средствами истории. Проблема бытования в историческом дискурсе террористических объектов обращает нас к событиям, трактуемым как исторические. Они, по сути, уже являются повествованием (нарративом). Именно повествование является продуктом исторического дискурса. Франк Анкерсмит выражается по этому поводу более точно, говоря о том, что «...исторические повествования являются репрезентациями прошлого»⁶. Он (нарратив) есть то, что делает прошлое вновь актуальным, присутствующим. И это неперемное условие исторического дискурса, которое, говоря словами А. Бадью, можно назвать «верностью»⁷, задает вопрос о соотношении прошлого и самого нарратива. Рассмотрение такого соотношения есть вопрос уяснения истинности повествования, а само требование истинности или «верности» событию можно рассматривать как правило собирания высказываний исторического дискурса.

⁵ Хоффман, Б. Терроризм изнутри. М., 2003. С. 86.

⁶ Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003. – С. 9.

⁷ Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла. – СПб.: Machina, 2006.

Высказывания в границах исторического дискурса должны соответствовать правилу истинности, сохранять верность самому событию, воспроизводя его уже как событие историческое в единой связи с другими событиями. Остается лишь вопрос о возможности сохранения верности событию террористическому, возможна ли его «переделка» в историческое, то есть упорядоченное и соотнесенное с другими событиями. Мы можем предположить, что нет. Экстраординарность террора (что есть его сущностное свойство) не позволяет встроить его в канву прочих событий истории в своей собственной определенности. Верность террору как его реактуализация в дискурсе истории невозможна и по причине столкновения дискурса исторического, то есть институционального, и антиинституционального террористического события.

Помимо этого историей признается только творение историка. Субъект исторического дискурса, говорящий от имени истории и формально соблюдающий принцип объективности⁸, всегда воспроизводит речь власти, институционализированную и узаконенную. Только обладающий правом легитимности имеет право на голос и историю. Террорист как оппонент законной власти лишен права голоса и права на историю. Лишь использование легитимности и ее изменчивая природа, дающая шанс террористу стать властью (законной), реализует историю терроризма как события. Такая история, раздираемая внутренним противоречием, не может существовать долго. Легитимизирующая функция истории, ее вечное стремление описать прошлое раз и навсегда, сопротивляется изначально присущей терроризму противоположности легитимности как таковой, космос истории с трудом может вместить хаос терроризма.

История отказывает терроризму в репрезентации, возможность существования террористического дискурса в истории «подменяется» дискурсом о терроризме. Высказывания о терроризме локализуются на пересечении иных дискурсов, прежде всего, дискурса политического (революционер – контрреволюционер), юридического (легитимное насилие государства – нелегитимное преступников-террористов), психологического (терроризм как формы болезни и антисоциальное поведение), военного (иррегулярные формы ведения войны, террор как проявления диверсионной деятельности).

В свою очередь, нельзя не упомянуть о сложной, по сути диалектической связи означаемого и означающего, терроризма как явления и дискурсивного объекта. Поскольку рецепция дискурса, его интериоризация не могут не влиять на мысли и поступки людей. Данное утверждение позволяет несколько иначе оценить факт «авторства» терроризма. Традиционной является точка зрения, согласно которой палестинские (исламские, международные и прочие) террористы, совершившие теракт, стремились привлечь внимание к той или иной проблеме и использовали для этой цели мировые СМИ. Составляющими этой террористической стратегии является выбор значимого объекта, позволяющего привлечь внимание мировой общественности, а точнее массмедиа, которые донесут это послание до адресатов.

Ключевым является то значение, которое мы придаем собственно передаче сообщения. Иначе говоря, сводится ли роль СМИ только к передаче? Дискурсивная теория подразумевает, что социальные объекты (такие, как терроризм в нашем случае) являются результатом властно и исторически обусловленных процессов социального конструирования. Множество событий, номинируемых как террористические, оставались и остаются исключенными из глобального дискурса о терроризме, что ясно свидетельствует о необходимости «перевернуть» привычную схему и рассматривать массмедиа не только как активного участника в передаче сообщения, но как автора глобального дискурса о террористической угрозе⁹.

Вместе с тем, совершенствование социокультурных практик противодействия региональным проявлениям терроризма выстраивается вокруг трактовки терроризма как культурно-антропологического и знаково-символического феномена. При этом под социокультурной практикой мы будем понимать любую форму активности, проявляющуюся в социокультурной системе.

⁸ Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Наука, 2003 – С. 431.

⁹ См. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Дискурсивное конструирование глобальной угрозы терроризма в СМИ// Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2010. Вып. 7. С. 142-146.

Эти исходные положения обуславливают и предполагают три аспекта (своеобразных точек приложения активности и совершенствования): субъекта, культуру и общество. Излишне говорить об их взаимосвязи и взаимозависимости, однако исходя из поставленных задач, приоритетным мы будем считать уровень 1) субъекта и далее 2) культуры и 3) общества.

Как мы показали ранее, именно антропологический ракурс рассмотрения проблемы терроризма позволяет выявить его статус как культурно-исторически обусловленной формы насилия, выстраиваемой вокруг проблемы идентичности¹⁰. Концептуализация этой идеи предполагает обращение к идеям структурного психоанализа Ж. Лакана, согласно которому субъект конституирован бессознательным, выстраиваемым символическими средствами. Субъект как целостность конструирует себя в дискурсе Другого или других, шире культуры в целом.

Таким образом, если исходить из представлений об идентичности как о динамическом, дискурсивном процессе, то любые попытки формирования завершеного, конечного определения идентичности для субъекта следует рассматривать с точки зрения их манипулятивного, властного и идеологического потенциала¹¹. В этой связи, иллюзия наличия стойкой идентичности может быть охарактеризована как продукт манипулятивного идеологического воздействия, создающий условия для формирования предубеждений, а затем и фанатизма в отношении всего того, что входит и не входит в установленные границы идентичности.

Вместе с тем, возможность манипуляции, проявляющаяся на уровне конструирования идентичности, создает возможности для профилактики террористических проявлений на уровне дискурсивных (социокультурных) практик.

Другой аспект знаково-символического рассмотрения феномена терроризма заключается в том, что идентичность как объект исследования оказывается сопряженной с проблематизацией идентичности самого исследователя. Процессуальность, как свойство идентичности, выходит за границы теоретических деклараций и находит свое воплощение в исследовании еще «до» самого исследования, поскольку предполагает факт завершенности в виде номинирования тех или иных объектов реальности в качестве террористических, что подразумевает фигуру «эксперта-ученого». Его роль может сводиться к целому ряду рефлексивных возможностей относительно объекта исследования, однако более значимы его властно-идеологическая функция. Монополизация дискурса о терроризме политико-юридическим дискурсом отнюдь не способствует целостному и объективному анализу. Очевидно, что необходима «диверсификация» и интенсификация дискурса о терроризме.

Рассмотрение феномена терроризма на уровне культуры позволяет применить к его анализу субкультурную методологию, что обосновано необходимостью учета региональных особенностей. Субкультуру терроризма следует рассматривать как пограничную с различными видами экстремистских субкультур, выстраивающих свою идентичность, преимущественно, вокруг националистической, религиозной или этнической идеологии. Сами же экстремистские субкультуры с другой стороны близки к идеологиям вполне легальных культурных (институционально оформленных) формообразований патриотического (некоторые политические партии), ортодоксального (традиционные религии) и этнического толка. Актуализация этой пограничности и создание возможности перехода от экстремистских социокультурных практик к легальным, в том числе и на уровне знаково-символического воплощения создает возможности для противодействия региональным проявлениям терроризма и экстремизма.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003.
2. Agamben, G. Homo sacer Frankfurt a.M., 2002.

¹⁰ См. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Терроризм: идентичность и дискурс// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Наука и образование. СПб., 2010. Том 2. 2-2 (100). С. 244-248.

¹¹ Dijk van Teun. Discourse and Power. Palgrave Macmillan, 2008.

3. Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла. – СПб.: Machina, 2006.
4. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Наука, 2003
5. Григорьева, Н.Я. Эволюция антропологических идей в европейской культуре второй половины 1920-1940-х гг. СПб., 2008.
6. Давидович, В.Е., Жданов, Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979.
7. Dijk van Teun Discourse and Power. Palgrave Macmillan, 2008.
8. Жирар, Р. Насилие и священное. – М., 2000.
9. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Дискурсивное конструирование глобальной угрозы терроризма в СМИ// Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2010. Вып. 7. С.142-146.
10. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Терроризм: идентичность и дискурс// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Наука и образование. СПб., 2010. Том 2. 2-2 (100). С. 244-248.
11. Римский, В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.
12. Хоффман, Б. Терроризм изнутри. М., 2003.

ON SOCIOCULTURAL PRACTICES OF COUNTER-TERRORISM

S. N. BORISOV¹⁾
A. V. RIMSKIY²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

The article considers the issue of counter-terrorism. Terrorism is observed as a cultural anthropological and semiotic phenomenon. The authors distinguishes the necessity for the complex methodology and describes th premises for sociocultural practices of counter-terrorism on the regional level.

Key words: terrorism, sociocultural practices, counteraction, sub-culture, identity.